

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
второй половины XX века

Российская философия продолжается: из XX века в XXI

Под редакцией Б. И. Пружинина

Москва
РОСПЭН
2010

Р. Г. Апресян

Три понятия морали Абдусалама Гусейнова

История современной отечественной философской этики не отделима от имени Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. Его первая научная статья появилась в 1964 г., когда советская этика в течение предшествующего десятилетия, в общем, сложилась как область исследований и университетская дисциплина в каких-то своих первичных, тематически и предметно определенных, формах. Уже в той первой статье, посвященной проблеме происхождения морали, он предложил очевидно новаторский, можно сказать, вызывающе-новаторский подход к вполне устоявшейся в условиях существовавшего методологического канона проблеме. Начиная автор, наверное, специально не думал о возможных неординарных следствиях из своей работы, однако логика его анализа истоков нравственности вела к неординарным выводам. Исследованием протонравственных нормативных форм А. А. Гусейнов предложил иную точку отсчета в понимании становления нравственности. Несколько лет спустя он публикует статью, посвященную золотому правилу, и тем самым буквально открывает для отечественного читателя этот нравственный феномен и эту этико-философскую проблему.

Признание золотого правила в качестве начального пункта в развитии морали требовало бы общетеоретических следствий для концепции морали, однако

они случились не сразу. Вплоть до начала 1980-х годов А. А. Гусейнов в целом придерживался историко-материалистического понимания морали. Эта была утонченная версия этики на базе своеобразно (почти в гегелевском духе) истолкованного исторического материализма: мораль не рассматривалась как функция от налично существующего социального порядка или как часть «надстройки» над производственными отношениями; она каким-то образом замыкалась на историю, на историческую перспективу и мыслилась репрезентирующей конкретному обществу и эмпирическим индивидам всеобщий интерес прогрессивного исторического развития. Таково концептуальное ядро, условно говоря, «первой этики» А. А. Гусейнова.

В начале 1980-х А. А. Гусейнов внес в свою концепцию морали ряд обновлений. Поначалу они могли быть восприняты как частные уточнения. Он оставался на позициях социального и реалистического понимания морали — как регулятивного инструмента, действующего в контексте реальных социальных и человеческих отношений. Но по сути, это была новая этика — этика, принципиально основанная на модели золотого правила, выдержанная в духе золотого правила, замкнутая не на перспективу исторического развития, а на потребности и упования человека. И хотя речь не шла о «живом», «конкретном», или «эмпирическом» индивиде, но о «родовом» человеке, это была концепция морали, повернутая к человеку. Мораль репрезентировала обществу и конкретному человеку не историю в ее перспективе, а самого человека, и рассматривалась автором как выражение и утверждение человечности в общественных отношениях.

Оставаясь на позициях этого понимания морали, А. А. Гусейнов обратился в конце 1980-х к частной и даже прикладной, на первый взгляд, проблеме этики ненасилия. Собственно говоря, именно ему принадлежит заслуга внедрения в позднесоветский философско-публицистический контекст идеи ненасилия и институционализации последовательных разработок в этой области*. В 1980-е годы получили дальнейшее развитие и его

* А. А. Гусейнов инициировал создание общественного научно-просветительского центра «Этика ненасилия», который на протяжении десяти лет своей деятельности осуществил ряд исследовательских, издательских и образовательных проектов.

историко-этические исследования. Уже в начале 1970-х необходимость разработки курса лекций по истории этики на кафедре этики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова привела А. А. Гусейнова к углубленному изучению античной этики и в особенности этического учения Аристотеля. Надо отметить, что А. А. Гусейнову принадлежит почти исключительная заслуга в нашей литературе историко-философской разработки этики Аристотеля. Благодаря ему традиция этического аристотелизма оказалась внедренной в советскую, а затем российскую этику*. Он вывел на новый уровень историко-этические исследования, как своими собственными работами, посвященными различным мыслителям, так и инициацией ряда коллективных историко-философских проектов**. В связи с этим нельзя не упомянуть новаторскую для своего времени книгу А. А. Гусейнова «Великие моралисты»***, в которой были представлены этические учения великих учителей человечества. В конце 1980-х — начале 1990-х годов он проводит фундаментальные исследования этики А. Швейцера, Л. Толстого, И. Канта.

Эта огромная, в первую очередь, внутренняя, работа имела результатом формирование у А. А. Гусейнова нового видения морали, меняющего понимание природы и способов выражения моральной императивности, статуса морального субъекта и функции морали в сфере ценностей и в культуре в целом. Результаты его творческих обретений заключались в следующем: а) моральные повеления, или императивы носят абсолютный характер; б) приоритетным и существенным выражением моральной императивности является запрет; в) моральная императивность специфическим образом передается посредством сослагательного наклонения; г) исполнение запрета воплощается в сознательном и принципиальном отказе от совершения запрещаемого, и это обнаруживается в особом рода поступках, а именно, «негативных поступках»; д) они представляют суть мо-

* Уместно добавить, что именно он инициировал не так давно двуязычное издание не переведившейся прежде «Эвдемовой этики». См.: Аристотель. Евдемова этика/Пер. с др. греч. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой; подготовка издания М. А. Солоповой. М., 2005.

** В первую очередь здесь следует назвать значительный коллективный труд «История этических учений» (М., 2003), к подготовке которого были привлечены первоклассные специалисты, формально не идентифицируемые в качестве этиков.

*** Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 1995.

рали как сферы индивидуально-ответственного поведения. Этот комплекс идей идентифицировался им в качестве новой теории морали, которая получила у него название *негативной этики*.

Таковы три основные этапа в философском творчестве А. А. Гусейнова, выразившиеся в трех понятиях морали. Легко можно увидеть, как в разных этических работах А. А. Гусейнов обсуждает более менее единый круг волнующих его морально-философских идей. Однако внимательный взгляд не оставит без внимания и то, что за возвращениями к обсуждавшимся не раз проблемам нередко стоят перемены именно в понимании основоположений. Можно сказать, в своем творчестве А. А. Гусейнов воплощает классический эстетический принцип *единства многообразного*. Настоящий очерк представляет собой попытку разобраться во внутренних перипетиях этой противоречивой связки.

I

Определяющим в советской этике рубежа 1950–60-х годов было нормативно-идеологическое направление, в рамках которого прорабатывались «принципы коммунистической морали»*. Эта тематика имела основополагающий характер, и более тридцати лет была доминирующей, главным образом, благодаря присмотру со стороны кураторов от власти. Но не только. Коммунистическая мораль воспринималась и как модель идеальной, совершенной, гуманистической морали**.

* Первая книга по этике А. Ф. Шишкина так и называлась: «Основы коммунистической морали» (М., 1955).

** В том же году, когда была издана книга А. Ф. Шишкина, Я. А. Мильнер-Иринин предложил тому же издательству рукопись книги «Этика, или Принципы истинной человечности». Книга в конечном счете была отвергнута издательством. Странным образом она была опубликована Институтом философии в 1963 г., на ротаторе и на правах рукописи, и сразу же стала предметом жесткой идеологической критики, предпринятой коллегами-философами. Полностью книга была издана сначала на немецком (Milner-Iginin J. A. Ethik/Hrsg. P. Ehlen. München, 1986); русское издание уже в наше время было осуществлено его дочерью, Н. Я. Ковановой (М., 1999, с послесловием Н. Я. Ковановой и М. А. Камышана) при моральной поддержке А. А. Гусейнова. Об этой книге см.: Гусейнов А. А. «Этика, или Принципы истинной человечности» Я. А. Мильнера-Иринина // Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 590–591.

Для большой группы исследователей тематика коммунистической морали долгое время была адекватной площадкой для теоретического анализа морали, а вместе с тем и для гуманистического (что во времена «хрущевской оттепели» означало антисталинистского) переосмысления коммунистической идеологии*.

Наряду с нормативно-идеологическими имели место и интенционально теоретические нормативно-этические исследования морали. Вопросы этики так или иначе затрагивались в советской литературе в работах на общефилософские темы — и в рамках обсуждений проблем общественного сознания, идеологии, воспитания. Несомненно, в той мере, в какой они содержали в себе попытки теоретического анализа, над всеми этими опытами довлела историко-материалистическая парадигма. Однако с началом собственно этических исследований категориального состава исторического материализма, видимо, стало уже не хватать; возникла потребность в развитии собственного категориального аппарата философской этики. Он постепенно и начал складываться в дискуссии о категориях этики. Она началась на рубеже 1960-х и продолжалась без малого десять лет. Эта дискуссия, несомненно, способствовала осмыслению нравственных и этических проблем, развитию навыков рассуждения о моральных и этических проблемах, общению к этой проблематике широкого круга преподавателей философии. В ходе этой дискуссии выделились и явные лидеры нового исследовательского направления, которые внесли свой вклад в развитие советской этики на начальном этапе. «Категориальный» подход как таковой был мало перспективным для продвижения этики. Однако его появление знаменовало понимание недостаточности сложившейся теоретической базы исторического материализма для изучения морали, посредством его опробования пришло осознание необходимости развития специальной этической методологии. Через понимание его непригодности формировались специальные методы анализа морали. Участников нескольких шумных всесоюзных конференций и авторов различных публикаций по этическим проблемам того времени можно разделить условно на три груп-

* См.: Актуальные проблемы марксистской этики / Под ред. Г. Д. Бандзевладзе. Тбилиси, 1967.

пы: тех, кто стремился сохранить знакомые по историческому материализму приемы анализа, тех, кто уповал на развитие этики за счет углубленной проработки «новых» категорий, и тех, кто постепенно содействовал становлению философской этики и теоретического определения предмета этики посредством выделения специфики морали, ее структуры, способов функционирования в обществе. Методологический поворот в сторону теоретической этики завершился на рубеже 1970-х годов. На всесоюзной конференции в Новосибирске в 1969 г., посвященной все той же проблематике категорий этики* и организованной для подведения итогов состоявшейся дискуссии, новые тенденции в анализе морали уже были легко различимы. Спустя несколько лет они получили развернутое воплощение в ряде монографий, среди которых сразу выделились книги О. Г. Дробницкого, А. И. Титаренко и А. А. Гусейнова**, надолго задавших тон советской и российской этике.

*Происхождение морали:
от талиона к золотому правилу*

Первая статья А. А. Гусейнова «Проблема происхождения нравственности (на материале развития института кровной мести)»*** представляет двоякий интерес. С одной стороны, как публикация по проблеме, обозначенной в заголовке, а с другой стороны, как работа, в которой неявно предлагался альтерна-

* См.: Проблемы категорий в марксистско-ленинской этике. Новосибирск, 1969.

** Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М., 1974; Дробницкий О. Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М., 1974; Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. М., 1974. Книги расположены по хронологии их выхода в свет с мая по сентябрь 1974 г. Анализ категорий не был полностью отвергнут; сменилась методология этического анализа. В выступлении А. А. Гусейнова на Новосибирской конференции (Гусейнов А. А. Генезис основных нравственных понятий // Проблемы категорий в марксистско-ленинской этике. С. 74–77), в предшествующих «Понятию морали» статьях О. Г. Дробницкого, посвященных структуре морального сознания (Вопросы философии. 1972. № 2, 6), и в названной книге А. И. Титаренко хорошо видна эта перемена: категории морали и этики становятся средством анализа морали как социально-культурного опыта, практики, отношений, способов соединения индивида и общества и т. д.

*** Философские науки. 1964. № 3. С. 57–67.

тивный подход к исследованию морали. По словам Абдусалама Абдулкеримовича, издание статьи не было простым (ему пришлось переделывать текст до восьми раз); также большие дискуссии вызвало обсуждение на кафедре исторического материализма философского факультета МГУ первой главы его диссертации. Рецензенты, так или иначе, конечно, понимали, что предлагаемое А. А. Гусейновым не укладывалось в рамки принятых схем анализа и изложения происхождения морали, да и морали как таковой.

Сам А. А. Гусейнов различал тогда два подхода к происхождению морали в советской литературе, дистанцируясь по отношению к обоим. В то время преобладающей в этом вопросе была точка зрения, укорененная в известной работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Состояла она в том, что мораль формируется в ходе развития первичных форм трудовой деятельности в ответ на порождаемые этой деятельностью потребности; мораль ассоциировалась с сознанием вообще, и ее проявления усматривались в древнейших осознанных действиях первобытного человека, в отличие от инстинктивных действиях предчеловека*. Неудовлетворительность такого подхода к происхождению морали А. А. Гусейнов совершенно оправданно видел в том, что в нем игнорировалось качественное своеобразие морали и, соответственно, процессов ее возникновения. Не отрицая, но и не разъясняя никак тезис о том, что в основе происхождения морали лежит труд, он, вместе с тем, указывал на то, что труд был условием возникновения человеческого общества вообще и должен считаться основой не только морали, но и других форм общественного сознания. «В трудовой деятельности, рассматриваемой в общем виде, безотносительно к ее особым историческим проявлениям, внутренне не заложено необходимости нравственности. Труд требует целесообразной деятельности в общении людей, совместных согласованных действий, но он не предполагает обязанности морального регулирования»**.

* Эту точку зрения развивали А. Ф. Шишкин, С. С. Уткин, В. Г. Иванов и Н. В. Рыбакова. В наиболее развитой форме ее проводил В. Ф. Зыбковец, что получило отражение в позднее опубликованной его работе «Происхождение нравственности» (М., 1974).

** Философские науки. 1964. № 3. С. 57.

Наряду с точкой зрения об изначальности морали даже для ранних форм человеческих сообществ в литературе того времени имела место и другая, согласно которой мораль возникает на относительно позднем этапе становления человеческого общества, на определенной ступени развития сознания. Определение этих этапов и ступеней требует критериев, адекватных природе изучаемого феномена, т. е. морали.

А. А. Гусейнов предложил связать выяснение условий происхождения морали с изучением социальной практики, специфической для первобытной эпохи. В качестве таковой им был избран институт кровной мести и его эволюция в процессе развития первобытного общества и его социальной дифференциации. Обобщая наблюдения и выводы, содержащиеся в работах историков и антропологов, он показал, что изменения в институте кровной мести имели непосредственное значение для формирования того регулятивного механизма, который станет основой морали. Обычай кровной мести в процессе длительного развития архаического общества меняется: возможность полного произвола в его осуществлении уступает место постепенно усиливающимся ограничениям на масштаб ответного возмездного действия. Исторически основой или предпосылкой морали является такой регулятивный механизм, посредством которого возникающие конфликты разрешаются на основе равенства, а именно, равного возмездия (по типу «око за око»). Так древний обычай кровной мести принимает форму талиона, в соответствии с которым принцип равенства, равного возмездия выступает жестким ограничителем ответных действий враждующих коллективов и представляющих их индивидов. Изменения в институте кровной мести находят существенное выражение в утверждении принципа талиона, но этим не исчерпываются. Значительные изменения в характере кровной мести А. А. Гусейнов связывал с развитием разделения труда, появлением семьи и обособлением индивида от коллектива, общества.

Кровная месть, конечно, не была единственным проявлением конфликтов в архаическом обществе и не единственной формой регуляции человеческих отношений, как межиндивидуальных, так межколлективных (во всех их формах). Однако этот обычай показался для А. А. Гусейнова столь характерным и ярким, столь типичным для регуляции отношений в архаиче-

ском обществе, что он уделил кровной мести наибольшее внимание, увидев в изменениях способа регуляции именно этого института древнейшего общества — а не в даре, не в благодарности, не в заботе — реальный прототип нравственности, с ее требованиями индивидуальной самостоятельности и ответственности.

Мораль не исчерпывается требованиями. И если говорить о самостоятельности и ответственности (которыми также не исчерпывается мораль), то они являются предметом требований не в большей степени, чем предметом индивидуальных ожиданий и амбиций. Предмет преимущественного внимания исследователя определяется его теоретическими установками и углом зрения. Объект того исследования А. А. Гусейнова — регулятивные механизмы обычаев первобытного и архаического обществ, их изменения в процессе становления и развития цивилизации — предопределили взгляд на мораль как социальный институт. Поэтому социальная организация, обеспечение социальной дисциплины, регуляция вышли на первый план. Те его выводы, еще не во всем последовательно продуманные, получили развитие, подкрепление и уточнение несколько лет спустя, уже в более широком аналитическом контексте исторической эволюции регулятивного опыта человечества.

Внешне, продолжение исследования оказалось почти случайным, обусловленным благополучным стечением обстоятельств. Знакомясь с литературой в библиотеке Гумбольдтского университета в Берлине А. А. Гусейнов, как он сам рассказывает, наткнулся на несколько работ немецких авторов, посвященных золотому правилу. Этим термином обозначается правило, наиболее известное нам по евангельскому стиху: «Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7: 12). Ученого заинтересовало это явление, и он углубился в его изучение. Решающую роль в повороте его исследовательского интереса сыграли работы Г. Райнера*. Открытие им для себя золотого правила внесло коррективы в трактовку как кровной мести и талиона,

* В первую очередь: Reiner H. Die «Goldene Regel»: Die Bedeutung einer sittlichen Grundformel der Menschheit // Zeitschrift für philosophische Forschung. Bd. 3 (1948). H. 1. S. 74–105.

так и процесса возникновения нравственности вообще*. Надо отметить, это не было только личным открытием. А. А. Гусейнов открыл золотое правило и для отечественной этики, и для отечественного читателя, для которого золотое правило в лучшем случае ассоциировалось с одной из библейских заповедей, — этический же смысл золотого правила фактически не осознавался. При этом надо отметить, что если понимание действительного значения золотого правила для нравственной культуры человечества могло быть результатом освоения работ Г. Райнера и других немецких авторов, то заслуга его осмысления в контексте исторического становления нравственности, тем более в соотношении с талионом, принадлежит исключительно А. А. Гусейнову; других опытов такого рода в существующей специальной литературе мне не известно**.

Исследование А. А. Гусейновым золотого правила получило иной характер по сравнению с исследованием кровной мести и талиона. Рассмотрение древнейших форм социальной регуляции покоилось на изучении разностороннего исторического и антропологического материала. Основные выводы относительно золотого правила (его содержания, регулятивных признаков и значения для нравственности в целом) были сформулированы им в порядке обобщения историко-философского и историко-культурного материала. Это и понятно: на уровне морального сознания и моралистической рефлексии золотое правило в концентрированном виде выражает суть и смысл морали. Независимо от того, какое значение придавали те или иные философы

* Первой публикацией А. А. Гусейнова на эту тему была статья «“Золотое правило” нравственности» (Вестник Московского университета. Сер. Философия. 1972. № 4. С. 53–63; повторно опубликованная впоследствии в сборнике его отдельных работ: Гусейнов А. А. Язык и совесть: Избранная социально-философская публицистика. М., 1996). В дополненном виде текст статьи вошел в монографию «Социальная природа нравственности».

** Г. Райнер и А. Диле, как позднее и П. Рикер, опирающийся на Райнера, касаются талиона в связи с золотым правилом, но не проводят сопоставительного анализа этих двух правил. В монографических работах Дж. Уоттса (Wattles J. The Golden Rule. Oxford; New York, 1996), Г. Дженслера (Gensler H. The Golden Rule. University of Michigan. 1977) или Г. Поста (Rost H. T. D. The Golden Rule: A Universal Ethic. Oxford, England, 1986) этот вопрос не затрагивается вовсе.

золотому правилу и придавали ли вообще, в той мере, в какой они высказывали позитивные (а не нигилистические) взгляды на мораль, они не могли уйти от духа золотого правила, от мышления и рассуждения по схемам золотого правила. Но и помимо этого формула золотого правила нередко в истории мысли была предметом специального внимания и аналитического комментирования. История философии сама по себе предоставляет значительный материал, наилучшим образом приспособленный для философско-этического осмысления и обобщения. Так что перед исследователем стоит задача корректного и обоснованного отбора этого материала. А. А. Гусейнов понимал и чувствовал это уже на материале античной мысли. Он видел, что мыслители с готовностью обращались к идеям и положениям, соответствующим золотому правилу и прямо выражавшим его суть: «В античной этике можно часто встретить рассуждения по вопросам, которые по своему существу весьма близки с интересующим нас правилом (например, известные рассуждения Демокрита, Сократа, Платона о том, что лучше испытывать несправедливость, чем совершать ее)»*. Именно поэтому «по критерию строгости» исследование этого вопроса в истории философии он решает ограничивать лишь теми «местами в произведениях философов прошлого, в которых непосредственно идет речь о “золотом правиле”»**.

Обобщая историко-философский и культурно-исторический материал с учетом своего опыта исследования талиона и в критическом сопоставлении золотого правила с талионом, А. А. Гусейнов дает совокупную характеристику золотого правила, которую лаконично можно выразить в ряде тезисов:

1. Золотое правило представляет собой видоизмененную форму талиона; талион является генетически предшествующей формой золотого правила.

2. Появление золотого правила отражает переход от коллективной ответственности рода к индивидуальной ответственности индивида, а также формирование способности индивида к инициативным (в отличие от реактивных, как в рамках талиона) действиям.

3. Золотое правило знаменует расширение коммуникативного горизонта индивида: посредством золотого правила инди-

* Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. С. 73.

** Там же.

вид соотносит себя не только с близкими (сородичами, соседями, соплеменниками), а с окружающими вообще; посредством правила утверждается новый стандарт равенства в отношениях между людьми.

4. Золотое правило не просто направлено на ограничение зла (в отрицательной формулировке) и утверждение добра (в положительной формулировке), — оно имеет целью минимум зла и максимум добра.

5. С формированием регулятивного механизма золотого правила можно говорить о становлении нравственности. В нем прослеживаются существенные характеристики нравственности как пространства межчеловеческих отношений. Поэтому, в той мере, в какой в золотом правиле в наиболее *полном* и *чистом* виде выражены характерные особенности нравственного требования вообще, его можно рассматривать не просто как особое, но «парадигмальное» нравственное правило.

6. Золотое правило обращено к человеку как самосознательной, суверенной и самоопределяющейся личности.

7. Золотым правилом предполагается универсализуемость (беспристрастность и обращаемость) нравственных решений. Основанное на признании равенства всех людей, оно ориентирует человека на «принципиальное единство со всеми другими», и является, таким образом, нормативным условием «совместности человеческого общежития»*.

Выше я отметил, что золотое правило анализируется в сопоставлении с талионом и под углом зрения талиона. Однако это не тот талион, который нам известен по статье А. А. Гусейнова 1964 г. Это талион, концептуально переосмысленный и представленный не столько как некая поздняя вариация обычая кровной мести, сколько как особая регулятивная форма, в свою очередь также парадигмальная для определенного донравственного или прото-нравственного уровня развития нормативно-ценностного сознания. Это талион, понятый в перспективе к золотому правилу, и это обнаруживается в том, что А. А. Гусейнов впервые дает обобщенную, «освобожденную» от конкретики, формулу талиона по типу формулы золотого правила. Правило талиона в наиболее развернутом виде содержится в Книге Исхода, и его ключевая формула такова: «душу за душу,

* Там же. С. 84.

глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21: 24–26), и мы нигде — ни в иудейском законе, ни в других исторически ранних нормативных традициях — не встречаем обобщенной формулировки талиона. А. А. Гусейнов проводит свой анализ талиона на основе его рафинированно-обобщенной формулировки: «Поступай по отношению к окружающим (чужим) так, как они поступают по отношению к тебе и твоим сородичам»*.

В плане особенностей регулятивного механизма, А. А. Гусейнов следующим образом характеризует талион:

1. Масштаб действия, регулируемого талионом, лежит вне действующего лица, задается извне; ответное возмездное действие должно быть равным совершенной несправедливости.

2. Ценностным основанием действия, совершаемого на основе талиона является формальная эквивалентность воздаяния; логикой (и психологией) талиона не предполагается деление поступков на хорошие и плохие, а также на такие, ответственность за которые лежит на индивиде, и такие, за которые отвечает сообщество.

3. В возмездии, вершимом по мерке талиона, во внимание принимается лишь происшедшее деяние, — намерения и конкретные обстоятельства (возможно, не зависящие от деятеля) во внимание не принимаются**.

Такова характеристика наиболее архаичной версии талиона. Со временем талион в своем реальном функционировании претерпевает изменения, и вектор этих изменений направлен в сторону все большего смягчения санкций талиона.

Мне уже доводилось специально указывать на то, что А. А. Гусейнову принадлежит приоритет концептуального введения

* Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. С. 65. Относительно данной формулировки я бы отметил, что, точно отражая обрабатываемое равенство, она не фиксирует другую важную особенность талиона, а именно то, что предметом его вменения являются действия, совершаемые в ответ на нанесенный ущерб. Это правило уже принципа равного воздаяния как такового, если под последним понимать принцип ответного действия как на причиненный вред (что регламентируется талионом), так и на совершенное благо (что регулируется правилом благодарности). Принимая во внимание эту оговорку, обобщенная формула талиона может быть уточнена: «В ответ на нанесенный ущерб...» и далее по приведенному тексту.

** Там же. С. 63–67.

темы золотого правила в оборот советской этики*. Очевидно, что проблематика золотого правила не могла быть уютной и привлекательной для советских исследователей этики. Она выводила на тему универсальности моральных форм, универсальности императивных и ценностных определений морали как таковых. Как и в случае с ранними теоретическими опытами А. А. Гусейнова, последовательное развитие проблематики золотого правила требовало выводов, которые с позиций исторического материализма легко могли казаться неприемлемыми.

А. А. Гусейнов долгое время оставался единственным у нас автором, писавшим о золотом правиле. И дело здесь не только в том, что среди тех, сейчас немногих, а в 1970-е годы довольно-таки многих, работавших в исследовательском поле этики, мало, кто интересовался историей нравственности, в частности, ее нормативных форм и соответствующих им закреплённых в языке выражений. Своим анализом золотого правила А. А. Гусейнов с самого начала задал такую степень полноты, освоить которую было непросто. Проблематика золотого правила могла быть дежурной в учебных текстах и разработках; на соответствующие работы А. А. Гусейнова постоянно ссылались, однако результаты его анализа в течение слишком долгого времени оставались вне критических дискуссий или специально-углубленных и развивающих исследований.

Хотя, как мне кажется, и сам А. А. Гусейнов не всегда бережно относился к этой части своих научных разработок, думаю, именно они стали, в конечном счете, одной из предпосылок тех пересмотров в моральной теории, которые он произвел в последние годы.

Социальный смысл морали

«Социальная природа нравственности» — так называлась монография А. А. Гусейнова, по которой в 1977 г. он защитил докторскую диссертацию**. Сложившаяся в 1960-е годы концепция социальной природы нравственности развивалась А. А. Гусейновым и подтверждалась в различных исследованиях на про-

* См.: Апресян Р. Г. Золотое правило // Этика: новые старые проблемы. К шестидесятилетию Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. С. 9.

** См.: Социальная природа нравственности. М., 1974; Социальная природа нравственности: Автореф. дисс. ... док. филос. наук. М., 1977.

тяжении многих лет вплоть до начала 1990-х годов. И внешне, и по существу она представляла собой концепцию, выводимую автором из исторического материализма и марксистского учения в целом. А вместе с тем, поскольку это была морально-философская концепция, воспринимавшаяся А. А. Гусейновым искренне и развивавшаяся также и позитивно, с явным интересом к самому предмету исследования — морали (а не только в порядке критики «классового сознания» или «буржуазных» теорий), постольку ему приходилось осуществлять методологическую работу обратного свойства и вписывать эту, находившуюся в динамике, концепцию морали, в исторический материализм.

Делалось это путем перенесения на мораль (как форму сознания) характеристик, известных по марксистской концепции сознания вообще как общественного сознания, деятельности вообще как практической деятельности, человека вообще как включенного в общественные отношения, в практическую деятельность. Так, у А. А. Гусейнова *социальная природа* морали постулируется в силу самого принятия контекста марксистского учения, понимание *специфики* морали связывается им с анализом исторической деятельности людей в многообразии их социальных связей, нравственная *сущность* человека рассматривается как проявление исторически определенных общественных отношений, содержание нравственности выводится из объективных потребностей общественного развития и, с другой стороны, нравственное сознание представляется как такое, которое ориентирует человека на коренные общественные интересы и т. д.*

В марксизме ведь, в самом деле, «нет ни грана этики». Наверное, советских авторов, пишущих на темы этики 1960–70-х годов, можно было бы условно разделить на тех, кто любил повторять это высказывание В. Зомбарта, с которым однажды согласился Ленин, причем многие по недоразумению или ради экономии мысли приписывали ее самому Ленину (отнюдь не безосновательно)**, и тех, кто старался ее не замечать

* Социальная природа нравственности. С. 17.

** Вот, что говорил В. И. Ленин: «Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта, что “в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики”: в отношении теоретическом — “этическую точку зрения” он подчиняет “принципу причинности”; в отношении практическом — он сводит ее к классовой борьбе» (Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 1. С. 440.

или делал акцент на том, что это именно цитата из Зомбарта, в целом Лениным критиковавшимся. В марксизме не было этики как моральной философии. Мораль числилась в ряду «форм общественного сознания», т. е. идеологически превращенных форм сознания. Значит, развитие этики как позитивной (в смысле не критической) теории морали было уже результатом своего рода изменения «аутентичного марксизма», его расширения и адаптации к новым исследовательским задачам.

Думаю, последовательно провести эту адаптивную работу непросто. Как совместить универсальный характер морали с утверждением ее классового характера, приоритетность моральных ценностей — с утверждением их обусловленности «классово-экономическими потребностями», автономию и свободу морального субъекта — с утверждением, что индивид является носителем всеобщей, исторической необходимости?

Концепция морали А. А. Гусейнова того времени примечательна и заслуживает отдельного внимания в первую очередь как социальная, а в марксистском контексте, соответственно, и историцистская концепция. Социальная природа и историосообразный характер морали задавались им намеренно, но, тем не менее, методологически неререфлексивно. Последнее, возможно, и не требовалось этосом советского философствования того времени. Можно было считать само собой разумеющимся, что социальность морали означает то, что ее источник усматривается в историческом развитии общества и общественных отношений, а не в биологической эволюции и не в божественном откровении, а также то, что ее функционирование отвечает потребностям конкретного общества, а не потребностям «абстрактного индивида». Историосообразность морали утверждалась в разнообразных положениях о том, что в морали отражена историческая, она же всеобщая, необходимость. При этом идеи «социологистского», т. е. социо-ориентированного, и «историцистского», т. е. историосообразного, характера морали развивались А. А. Гусейновым в различных плоскостях, однако при этом, несомненно, предполагались взаимоопосредующими аспектами единого представления о морали.

Для обсуждения взглядов А. А. Гусейнова того времени приходится прибегать к терминам, чуждым ему самому, его чувству языка и его стилистике. Термин «социологизм» используется здесь для характеристики методологии, согласно которой

мораль целиком выводится из общества, как в своем происхождении, так и функционировании; мораль рассматривается как атрибут общества, одна из его функций. Под «историцизмом» (по отношению к этике) понимается методология, согласно которой мораль, имея социальное происхождение, развивается сообразно с неким генеральным вектором развития истории, который реально и задает как ее содержание, так и ее социальную миссию, смысл функционирования в обществе.

Наиболее полно и убедительно социальная природа морали обнаруживалась в рассуждении А. А. Гусейнова о ее регулятивной функции. Ставя под сомнение ту традицию в истории мысли, которая отождествляла мораль с практическим разумом, он вместе с тем рассматривал мораль как форму «практически-духовного освоения мира», как выражение активности человеческого сознания, проявляющегося в практических отношениях и выражающего себя в долженствовании, обращенном к человеку, его поступкам. Мораль — это ценностное отношение к миру, посредством которого человек, воспринимая мир в терминах добра и зла, оказывается способным оценивать происходящее с определенной точки зрения. Мораль — это деятельное отношение, направленное на достижение определенных целей, решение определенных задач; соответственно и моральное сознание является нормативно-предписательным, нацеливает на определенные цели и необходимые для их достижения действия. В отличие от других форм сознания, например, науки, в морали взгляды и представления опосредствованы отношениями и соединены с ними, в этой соединенности состоит их качественное своеобразие. Единство сознания и отношений в морали обеспечивается тем, что мораль — императивна по своему характеру (в отличие от научного знания или искусства), и основным средством морального освоения мира является требование.

Целостность взгляда А. А. Гусейнова на мораль выражается как в том, что мораль рассматривается им как однородный феномен, так и в том, что этот феномен описывается вне возможных различий в его аспектах и формах его проявления. В описании исследователя мораль представала и как элемент функционирования общества, и как способ личностного самоопределения, и как отражение всеобщего интереса исторического развития; но при этом во всех этих различных определениях она оказывалась как бы равной самой себе, и

А. А. Гусейнов не чувствовал необходимости как-то специально характеризовать эти различные ипостаси анализируемого им феномена. Мораль континуально представлялась через социальное требование, регуляцию и ориентацию, через мотивы, освоение, активность человеческого сознания, индивидуальный выбор и т. д. Думаю, это было возможным вследствие неявного признания морали в качестве некоей самостоятельно действующей сущности, проявляющей себя через индивидуального агента, через класс, через социум или историю. Даже при описании морали как системы социальной регуляции она предстает как надындивидуальный и надэмпирический феномен. Хотя «нравственность представляет собой субъективно-заинтересованное отношение к миру», — «она рассматривает мир, отдельные социальные явления и акты (действия индивидов и групп, социальные институты, их решения и т. д.) не сами по себе, а с точки зрения их значения для общества (класса)»*. Реальная субъектность так представляемой нравственности не уточняется. Надындивидуальный характер морали не просто вычитывается из гусейновского описания морали как способа социальной регуляции. Разъясняя, из чего и как соткана мораль и каков характер противоречий между общими и индивидуальными интересами, между должным и сущим он прямо указывает на «как бы “надындивидуальную” природу» морали**.

Мораль развивается на почве жизни общества, в обществе, в ответ на те проблемы, с которыми общество сталкивается. И она, *в общем*, обращена к индивидам как носителям частных интересов. А. А. Гусейнов разнообразно показывал, что индивидуальную жизнь, индивидуальное сознание неверно сводить к частным интересам. Индивиды, неся в себе социальные качества, присущие данному обществу, отражая общественные, общие интересы, выражают и некий общий интерес. Мораль организует сознание и поведение индивидов таким образом, чтобы частное подчинялось общему, а сущее — должному.

Собственно, специфическим предметом морального регулирования, и этим мораль отличается от права, обычая, административно-организационных установлений, является,

* Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. С. 23.

** Там же. С. 51.

по А. А. Гусейнову, соотношение должного и сущего. Это та проблема, перед которой мораль ставит человека. Содержание этой проблемы было раскрыто ученым на материале раннеантичной этики, размышляя над которой он пришел к выводу о том, что должное и сущее представляют собой «два измерения реальной человеческой жизнедеятельности», из которых первое заключает «образ всеобщей значимости человеческой деятельности», а второе — «образ ее частноэгоистической ориентированности»*.

Носителями частных интересов выступают не только индивиды, но и группы людей, коллективы, причем большие коллективы — сообщества: классы, нации, государства. Их нравственная оценка осуществляется на основе общего интереса**, выражающего «общеисторическую необходимость, потребности прогрессивного развития общества, которые совпадают с интересами наиболее передового революционного класса»***. Общий интерес не обязательно проявляет себя через общественный интерес. Случается, индивиды оказываются более чуткими к общему интересу и восприимчивыми к нему. Это делает их относительно свободными по отношению к отдельным общностям, но вместе с тем, и «социально ответственными перед историей»****. Таким образом, историцизм брал верх над социологизмом и освобождал желающего быть марксистским теоретика морали от привязанности к конкретному обществу. Общество само ставилось под вопрос. Апеллируя к истории, к ее поступательному и прогрессивному развитию, можно

* Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. С. 43.

** Говоря об общем интересе, А. А. Гусейнов указывал, практически в едином рассуждении, то на общественный интерес (см. там же. С. 52), то на общий интерес как таковой (см. там же. С. 53). В этом я вижу неактуальность для него различий между социологистским и историцистским рассмотрением морали, что могло быть возможным в контексте общего марксистского взгляда на общество и историю, при котором история мыслилась как череда прогрессивно сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, а общества — как определенные частные моменты в всеобщей историческом развитии человечества. По-своему это проявилось и в одном из его замечаний: «Содержанием прогрессивной в каждый данный момент системы нравственности являются общественные интересы в их исторически необходимом восходящем развитии» (там же. С. 53).

*** Там же.

**** Там же.

было не придавать значения, например, тезису о том, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя (В. И. Ленин); моральная свобода человека как свобода и от общества, социального окружения, социального давления, социальной традиции мыслилась возможной при замыкании индивида на историю. Ответственность перед историей лишь постулировалась А. А. Гусейновым. Вопрос о том, каким образом всеобщий интерес трансформировался в моральное требование, каким образом он воспринимался, осознавался (индивидом, «прогрессивным классом» или, может быть, философами?), не ставился. Но и при методологической непроработанности эти постулаты были важными для потенциального допущения трансцендентных коррелятов морального бытия человека. И хотя историцизм не был доведен А. А. Гусейновым до критики социологизма (более того, в его текстах этого периода историцизм переплетен с социологизмом и сплошь и рядом опосредствован им*), в полемике с западными идейными противниками, такими как Р. Гароди или П. Элен, критиковавшими марксистскую этику как раз за привязку морали к обществу и, более того, определенному общественному режиму (разумеется, у них были все основания для такой критики), он прибегал именно к историцистским аргументам. Иначе трудно было бы обосновать возможность критического отношения морального субъекта к действительности, его автономии или творчества. Аналогично, хотя и по-своему, эта двойственность в трактовке морали проявилась и в рассуждении об индивидуальной нравственности.

Представляется, что антитеза социологизма и историцизма с известными поправками и допущениями аналогична антитезе различных типов морального мышления, сориентированного на талион, с одной стороны, и золотое правило, с другой. Талион эмпиричен, рекомендуемые им действия социо-сообразны, реактивны, репродуктивны. Золотое правило надэмпирично, рекомендуемые им действия «предсоциальны», не подчинены социальному опыту, а призваны формировать его, они не

* Так, обозначив в рассуждении о сущем и должном возможность отражения индивидом в своем поведении общего интереса, А. А. Гусейнов, говоря об индивидуальных мотивах, подчеркивал: «...В социально-дифференцированном обществе отдельный индивид не может прямо и непосредственно выступать выразителем общеисторического интереса» (там же. С. 101).

воспроизводят образец, а формируют его. Следуя золотому правилу, индивид оказывается способным быть свободным по отношению к сложившимся отношениям и утверждать новые. Другое дело, что если нам неведома мистика претворения исторического всеобщего интереса в индивидуальный интерес, то нам вполне понятны механизмы, логика и психология морального мышления по типу золотого правила: человек в своих инициативных действиях опирается на свой личный изначальный коммуникативный опыт на свои ожидания и упования. И если это легко обнаруживается в формуле золотого правила, как в еще большей степени в формуле заповеди любви, т. е. в устойчивых высказываниях, через которые выражает себя моральное сознание, — то, каким образом отражается в морали и в устойчивых моральных высказываниях прогрессивный исторический интерес, еще надо выяснить, и это исследование не обещает быть ни легким, ни плодотворным.

II

В 1980-е годы А. А. Гусейнов публикует ряд работ, ознаменовавших значимые перемены в его понимании морали. Речь идет в первую очередь о таких, разных по жанру и формату, работах, как «Введение в этику», «Мораль» и «Краткая история этики»*, в которых концепция морали при сохраняющихся общеметодологических и мировоззренческих установках не только расширяется и уточняется, но и изменяется в части трактовки сущности морали, ее функций и специфических проявлений. Она развивается на базе исторического материализма, однако в ней уже не остается места историцизму, апелляциям к абстрактному всеобщему интересу истории, предположениям о некоей ответственности индивида перед историей и так далее. На задний план уходит и прямолинейный социологизм с признанием непосредственной зависимости моральных представлений от конкретных условий жизни общества, отношений классов и так далее. При этом более ясно и убедительно

* См.: Гусейнов А. А. Введение в этику. М., 1985; Гусейнов А. А. Мораль // Общественное сознание и его формы / Общ. ред. В. И. Толстых. М., 1986. С. 144–202; Гусейнов А. А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987.

проводится принцип историзма в этике: возникновение морали связывается с определенной исторической эпохой, с необходимостью решения специфических социальных и индивидуальных потребностей, с развитием социальных отношений. В морали как таковой и в ее теоретической характеристике выделяется гуманистическая компонента, человечность усматривается как на уровне морали в целом и в характере той роли, которую она играет в обществе, так и в некоторых ее конкретных проявлениях, больше внимания уделяется тому, что на принятом тогда философском языке называлось «диалектика социального и индивидуального», причем индивидуальное рассматривается не только как удел партикулярности, но и как один из источников морали и неперенная форма ее обнаружения.

Мораль как мера человечности общественных отношений

Мораль по-прежнему понимается А. А. Гусейновым как способ преодоления противоречия между индивидуальным эмпирическим бытием и обществом, миром культуры. Однако последние берутся в их особенной ипостаси, как то, что — по Марксу — составляет сущность человека. Таким образом, мораль предстает также и как способ внутренней гармонизации самого человека. Мораль, писал Гусейнов, «возникает там, где *индивид встречается с обществом, человек с человечеством*. Она есть качество индивида, взятого в аспекте его общественного содержания, или (что одно и то же) качество общества, взятого в аспекте его индивидуального бытия, т. е. она есть качество общественных отношений, составляющих сущность человека»*. Мораль характеризует общественные отношения, состояние конкретного общества с точки зрения того, насколько оно адекватно индивидуальному бытию. Но мораль в принципе оказывается возможной в силу того, что присущая человеческому обществу социальность является социальностью особого рода, покоящейся на «абсолютной взаимозависимости» индивидов, приобретающих «качественную определенность, свой человеческий облик и статус лишь по мере и в процессе того, как завязываются [их] отношения

* Гусейнов А. А. Введение в этику. С. 153.

с другими индивидами»*. Таким образом, характеристика морали как меры человечности общественных отношений становится доминирующей над такими ее характеристиками, как способ примирения сущего и должного, преодоления противоречия между личным и общественным, которые были ведущими в книге «Социальная природа нравственности».

Вообще, интересно сопоставить две книги — «Социальную природу нравственности», определяющую для его творчества 1970-х годов, и «Введение в этику», задавшую доминанту 1980-х. В первой книге, как говорилось, был дан этический анализ талиона и золотого правила, однако концепция социальной природы нравственности была развита в целом помимо знания и понимания, заключенного в этом анализе. Во «Введении в этику» проблематика талиона и золотого правила если и затрагивается, то мельком, но при этом социально-практический характер морали, а это качество представляется как одно из ключевых для морали, раскрывается сопряженно, хотя и неявно, с золотым правилом и полностью в духе золотого правила. В этом «Введение» сродни Аристотелевым работам по этике: Аристотель вроде бы просто не знает о золотом правиле, однако его этическая мысль в значительной своей части представляет собой развернутую экспликацию логики золотого правила, предполагаемых им позиций, установок, мотивов, зависимостей и отношений. Так и рассуждения Гусейнова о социальности, индивидуальной стороне общественных отношений как будто бы выведены из формулы золотого правила. Характерно, что в работах этого периода он *почти* доводит — пусть неявно и неартикулированно — свое понимание социальных отношений до отношений межличностного общения, коммуникативных отношений, и моральные отношения уже представлены ассоциированно с дружбой и любовью (правда, философски обобщенной любовью — как отношения к другому как к цели самой по себе), что, полагаю, было оборотной стороной признания индивида в качестве одной из реальных предпосылок и факторов нравственности. Тем не менее, золотое правило как таковое не было актуализировано в этом исследовании морали, и причина этого в том, что в своем рассмотрении морали А. А. Гусейнов оставался на уров-

* Гусейнов А. А. Введение в этику. С. 153–154.

не общественных отношений, а коммуникативные отношения стремился представить как частность общественных отношений. Общественность, социальность понимались им, скорее всего, как *совместность*, что имело место и у К. Маркса, более того, и словом «человечность» обозначалась совместность, взаимность и взаимозависимость. Иначе как понимать утверждения, что «человечность... имманентна общественной форме бытия», «становясь человеком, индивид становится человеческим», «совокупность *первичных нравственных отношений можно обозначить как человечность*»? Как бы то ни было, это было интеллектуальное движение к действительно специфическому пониманию нравственности, воспринимаемой в контексте социальных отношений и на основе их, но вместе с тем и самобытно по отношению к ним. «Нравственность в ее объективных истоках», писал А. А. Гусейнов, и есть «изначальная социальность человеческих индивидов», «специфичный и единственно возможный для человека способ бытия, когда он обретает себя через других людей, когда он может индивидуализироваться только в качестве родового существа, представителя некоего человеческого сообщества»**.

Изменения в понимании морали потребовали и нового, во всяком случае, обновленного, категориального аппарата. Одной из таких новаций стало упомянутое выше понятие «первичные нравственные отношения». С его помощью обозначаются отношения любви (при которых люди относятся друг по отношению к другу как к цели), долга (что А. А. Гусейнов усматривал в отношениях заботы) и бескорыстия, которые, безусловно, характеризуют социальность в ее основах как совместное, взаимозависимое и взаимоопосредствованное существование людей. Над этой первичной нравственной структурой надстраивается моральное сознание.

Другим важным представлением, посредством которого А. А. Гусейнов описывал мораль, было представление о *двух кругах общественного бытия человека*. Два круга — это два класса отношений, соответственно, в личной и общественной сферах. Это отношения между *близкими* и отношения между *дальними*. В сфере первых индивиды имеют возмож-

* Гусейнов А. А. Введение в этику. С. 154.

** Там же. С. 154.

ность реализовать себя свободно, универсально и непосредственно, они относятся друг к другу лично; это — нравственные отношения в собственном смысле слова, «отношения бескорыстия, когда индивиды взаимно утверждают друг друга как представители человеческого рода, независимо от социального статуса, заслуг, профессиональных умений и т. д.»*. Вторые — это отношения по поводу производства средств к жизни; в этой сфере отношения людей внешне-необходимы, функциональны и опосредованы деятельностью. Гусейнов утверждал, что такое разделение позволяет выявить объективный источник нравственности и установить критерий «для определения качественного, конкретно-исторического уровня ее развития»**. В духе исторического материализма производство человека виделось им обусловленным производством средств жизни, и он прямо об этом говорил. Но вместе с тем, указания Гусейнова на то, что мораль есть показатель человечности общественных связей, позволяют предположить относительную автономию первого типа отношений и их способность если не предопределять отношения второго типа, то, по крайней мере, доставлять основание для определения меры человечности общества.

Еще одно представление касается *удвоения нравственной жизни*. Это была довольно давняя идея А. А. Гусейнова, которую он высказывал еще в начале 1970-х (я помню, как студентом услышал об этом в спецкурсе Абдусалама Абдулкеримовича, посвященном истории античной этики). На примере поэмы Гесиода «Труды и дни» он показывал, что в период смены эпох происходит как бы удвоение нравственной жизни, которое осознается как неправильность, несправедливость бытующих между людьми отношений при ясности того, как на самом деле *должно* быть, что по существу выражается в осознании того, что за очевидными, зримыми отношениями имеется некоторый другой план, имеются иные значения. Есть требования, которые не реализуются в миру, и есть мир, не отвечающий требованиям***. Эта интуиция Гесиода была позднее зафиксирована раннеантичными философами как антитеза должного и суще-

* Гусейнов А. А. Мораль. С. 163.

** Гусейнов А. А. Введение в этику. С. 160.

*** Там же. С. 42–43.

го, или, другими словами, «лучшего» и «худшего». Обозначив расслоение общества в качестве объективного источника удвоения нравственности, А. А. Гусейнов объяснял осознание антитезы должного и сущего психологически: мир плох, человек признает это и формулирует идеал, свое понимание того, каким мир должен быть.

Впрочем, и в самом этом представлении можно было наблюдать удвоение. С одной стороны, говоря о возникновении самого феномена раздвоенности ценностного и нормативного сознания, что фиксируется на этапе так называемой предэтики в европейской мысли (Гомер, Гесиод), А. А. Гусейнов отмечал разрыв между должным и сущим, между провозглашаемыми идеалами, предъявляемыми требованиями и реальными нравами и «живыми», как он любит говорить, индивидами. Постепенно его рассуждение соотносилось с «классово-антагонистическим обществом», т. е. с исторически реальным обществом, которое возникает с разложением первобытного общества и на смену которому должно придти коммунистическое общество. Здесь удвоенность нравственной жизни усматривалась в том, что с одной стороны, существуют реальные нравы, эгоистические и бессердечные, а с другой стороны — «официально проповедуемые нормы справедливости, любви, братства и т. п.»*. Как бы то ни было, установление удвоенности нравственной жизни позволяло показать, что «внутренняя саморазорванность нравственности», «отчуждение моральных норм от эмпирических индивидов и реальных нравов» представляют собой определенное состояние нравственного опыта человека и общественных отношений, — состояние, являющееся условием таких негативных феноменов, как морализаторство, настойчивый нормативизм, моральное лицемерие и т. д. С другой стороны, именно благодаря «эмансипации морали от мира» она смогла принять форму общеобязательности, или универсальности, безусловного долженствования и благодаря этому играть роль социально-сплачиваемого начала, открывающего перспективу «единения всего человечества»**.

Наконец, осознание неоднородности, внутренней дифференцированности морали приводит А. А. Гусейнова на какое-то

* Там же. С. 180.

** Там же. С. 34.

время к пониманию необходимости различия между *моралью* и *нравственностью*. В живой речи иногда можно проследить различие этих слов, однако взятые сами по себе они не только в живой речи, но и в специальных философских рассуждениях не обладают определенным, внятным и интуитивно очевидным содержанием. Необходима концептуализация, работа по выстраиванию этих понятий, т. е. теория. И А. А. Гусейнов осуществляет такую работу, проводя различие по нескольким параметрам. Нравственность и мораль различаются как область фактических нравов и область общественного сознания. Одновременно, под нравственностью понимается «человеческий смысл реальных нравов, которые... функционируют как привычные, социально-инстинктивные формы общественного поведения»*. Нравственность выражает реальные общественные связи людей, а мораль — выражает те же связи, но в их идеальной форме. Далее, в морали фиксируется «гуманистическая перспектива эпохи», а также «высшая точка отсчета», и в этом смысле мораль «совпадает с должностовательным, программным уровнем нравственной жизни человека и общества»**. В этом смысле мораль — это «идеальная нравственность», а нравственность — «практическая мораль»***; мораль и нравственность выражают сущностное и эмпирически многообразное, перспективное и наличное, идеальное и реальное, должное и сущее. Различие морали и нравственности имеет еще один аспект, а именно исторический, так что в одни эпохи на первый план выходит мораль, и реальное, многообразное, наличное, сущностное отражает их в снятом виде, в другие — нравственность. Так, в первобытную эпоху и коммунистическую эпоху имеет место, при всех возможных различиях, именно мораль. А в классовых обществах доминирующей оказывается нравственность. Наконец, в другом контексте, подводя итоги домарксистского развития моральной философии и обобщая соответствующий опыт в классическом философском наследии, А. А. Гусейнов указывал на то, что нравственность можно трактовать как «общественную мораль», выражающую точку зрения общности, в то время как

* Гусейнов А. А. Мораль. С. 194.

** Там же. С. 195.

*** Там же.

мораль есть нечто вроде «индивидуальной нравственности», отражающей идею самоценности человеческой личности*.

Эти теоретические новации, прослеживаемые в предложенных оригинальных представлениях или переосмыслении известных, отражали интересное в интеллектуальном отношении движение по обогащению философского понятия морали и, более того, уяснению морали в качестве отдельного, самостоятельного и самоценного социокультурного феномена. Что в целом характерно для этого периода творчества А. А. Гусейнова, так это возросшее, или незатаенно выраженное внимание к истории философии. Его всегда отличал интерес к истории общества и культуры и к истории философии (примечательно, что в 1970 г. он был приглашен на незадолго до этого открытую кафедру этики специально для подготовки и чтения курса по истории философии), однако именно в его работах 1980-х годов учения великих философов предстали без то и дело сопровождаемых критических оговорок и дежурных поправок — как действительный и ценный источник позитивного развития этической теории. Показательно, что, завершая именно краткий очерк истории этики в статье «Мораль», А. А. Гусейнов дал наиболее развернутое, хотя и лаконичное и как будто бы намеренно неконцептуализированное понятие морали. Оно заслуживает того, чтобы привести его почти полностью:

«В ходе исторического развития этики понятие морали предстает как *многообразие определений*..: а) мораль принадлежит миру культуры, входит во “вторую” — изменчивую, самосозидаемую — природу человека, является общественным (неприродным) отношением между индивидами, б) мораль характеризует личность с точки зрения способности жить в человеческом общежитии, строить гармонические отношения с другими людьми, представляет собой уровень личностного развития и совокупность добродетелей, выражающих совершенство человека как общественного существа, в) мораль есть особый, высший уровень внутренней детерминации, имеющий своим содержанием отношение к реально практикуемому образу жизни, к ценностям, мотивам общественного человека, ее можно назвать ценностью ценностей, мотивом мотивов, г) мораль есть совокупность объективных, общезначимых,

* Там же. С. 160.

безусловных норм, которые задают универсальную связь между людьми и существуют в форме идеальных ориентиров, эталонов поведения, д) мораль есть единство добродетелей и норм, совпадение индивида и рода, человека и человечества: это такое качество человеческих индивидов, благодаря которому они разворачивают себя в солидарную ассоциацию, или такое качество общественных отношений, благодаря которому каждый из индивидов развивает свои человеческие возможности»*.

III

Со второй половины 1990-х годов во взглядах А. А. Гусейнова на мораль стали появляться новые акценты и моменты, постепенно усиливающиеся и развивающиеся и, наконец, сложившиеся в некий идейный комплекс, который им самим обозначается как «негативная этика». В его основе лежит положение о том, что мораль зиждется на запретах, абсолютных и безусловных запретах. Впервые с заявлением о том, что нравственные требования выступают именно в форме запретов А. А. Гусейнов выступил в 1996 г. в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов**. Но к той идее он, очевидно, пришел раньше. Он определенно высказывал ее уже в своих публицистических очерках середины 1990-х***. Принципиально, в качестве существенной для понимания морали, эта характеристика нравственности приводится, хотя и не акцентированно, в учебнике «Этика». В концептуальном и развернутом виде ключевые положения нового понимания морали получили выражение в серии статей**** и были представле-

* Гусейнов А. А. Мораль. С. 159–160.

** См.: Нравственные требования как запреты // День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. СПб., 1997. С. 152–154.

*** См., например: Гусейнов А. А. Красно поле рожью, а речь ложью // Новая Россия. 1995. № 2. С. 133.

**** См.: Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5; Он же. Об идее абсолютной морали // Вопросы философии. 2003. № 3; Он же. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. М., 2000. Вып. 1; Он же. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М. М. Бахтин) // Этическая мысль. М., 2001. Вып. 2; Он же. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. М., 2002. Вып. 3. В концентриро-

ны в докладе «Понятие морали», с которым в апреле 2003 г. А. А. Гусейнов выступил на Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН в качестве претендента на звание действительного члена Академии РАН.

Негативность нравственного императива

При том, что сам А. А. Гусейнов определяет свою нынешнюю концепцию морали как «негативная этика», определение «негативность» фактически вводится им как существенное для характеристики морального императива и, вследствие этого, для характеристики действия, в котором этот императив реализуется. Только в качестве обобщения таких характеристик императива и действия он говорит иногда о негативности морали. Суть концепции заключается в том, что мораль зиждется на запретах. А. А. Гусейнов проводит аналогию между негативной этикой и негативной теологией. Как последняя является «особым методом богопознания, суть которого заключается в том, что в силу трансцендентности Бога рациональное, логически и эмпирически удостоверяемое знание о нем может иметь только фигуру негативных утверждений»*, так и «мораль получает свое адекватное теоретическое выражение в отрицательных определениях, а практическое воплощение в запретах»**. По аналогии же, хотя и иной в сравнении с негативной теологией, можно было бы вспомнить и негативную онтологию, в частности, «онтологию отсутствия» М. К. Мамардашвили как онтологию того, чего никогда не было, не будет, а есть сейчас. В отличие от негативной теологии и негативной онтологии, негативная этика А. А. Гусейнова не предполагает осмысление морали через то, чего мы о ней не знаем (мы знаем, что в ней доминируют негативные предписания — запреты) или через описание того, чего в ней нет (негативные предписания и нега-

ванном виде — в очередной лекции на Дне науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов в 2007 г. См.: Гусейнов А. А. Негативная этика // День философии в университете. СПб., 2007. С. 43–74 (Дискуссионный клуб университета. Вып. 12). Эта лекция вышла и отдельным изданием в серии «Избранные лекции университета» (СПб., 2007. Вып. 63).

* Гусейнов А. А. Негативная этика // День философии в университете. С. 44.

** Там же. С. 45.

тивные поступки — это то, что действительно выражает суть морали). Негативная этика А. А. Гусейнова — это оригинальный теоретический феномен, и его метаэпистемологический характер еще подлежит отдельному анализу.

Первые утверждения А. А. Гусейнова о том, что «моральные требования в собственном смысле как требования, претендующие на абсолютность, безусловность, могут быть только негативными»*, вытекали из осознания того, что мораль, будучи в своей императивности абсолютной и безусловной, не помещается в позитивные требования. Нет таких действий, совершая которые, можно воплотить абсолютность морали или достигнуть — если брать мораль в ее личностном выражении — совершенства. Человек как конечное существо не может претендовать на актуальное совершенство, более того, во всех своих проявлениях он оказывается морально несовершенным. Его подлинная моральность обнаруживается лишь в его осознании собственного несовершенства. Поэтому нельзя надеяться на то, чтобы понять или выразить мораль через какое бы то ни было содержательно конкретное, позитивное требование. На эту роль, казалось бы, могло претендовать золотое правило, о котором мы знаем, что оно в позитивной своей формулировке выражает суть морали. Однако в рамках негативной этики понимание А. А. Гусейновым нормативного смысла и статуса золотого правила меняется. Оно не рассматривается в качестве обычного, т. е. конкретного требования и, более того, теперь именно негативная формула золотого правила (которая в литературе нередко нарекается «*серебряным правилом*») рассматривается как наиболее адекватная сущности морали.

Тезис о приоритетности в морали запретов и второстепенности позитивных моральных предписаний полностью контекстуализирован А. А. Гусейновым в концепции морали как комплексе вышеперечисленных идей. Однако из его работ не всегда ясно, из чего, собственно, вытекает это утверждение. Думаю, одной из предпосылок такого вывода стало важное для А. А. Гусейнова положение о том, что мораль есть сфера *индивидуально ответственного поведения (поступков)*. Только о

* Гусейнов А. А. Тема 2. Мораль в жизни человека // Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 1998. С. 31.

поступках, которые исполняют запреты и при этом не воплощаются в реальных (объективированных) действиях, можно сказать, считает А. А. Гусейнов, что они являются предметом полной индивидуальной ответственности. За поступки же, совершенные в форме объективированных действий, индивид не может нести ответственности; следствия поступков, тем более отдаленные, неподконтрольны ему. В наиболее строгом смысле индивидуально ответственное действие, по А. А. Гусейнову, это такое действие, за всю полноту последствий которого он может нести ответственность. В его работах встречаются и другие смыслы этого понятия, не декларируемые явно. Например, индивидуальная ответственность отличается от родовой, коллективной или социальной ответственности. Есть и совершенно особенное понимание, обнаруживающееся по поводу обсуждения идей А. А. Зиновьева — мыслителя, безгранично и всецело авторитетного для А. А. Гусейнова. Представляя в предисловии к книге художественной прозы А. А. Зиновьева социально-этические взгляды автора, А. А. Гусейнов говорит об индивидуальной ответственности как такой, которую человек актуализирует при условии, что живет своей жизнью «в единичности и единственности индивидуального существования», а «не какой-то превращенно-соборной жизнью», «опираясь на самого себя», — иными словами, жизнью «лично выраженной только в том случае, если он сможет *оградиться моральными принципами от “любви” окружающих* [курсив мой. — Р. А.], (понимая под окружающими и ближних, и дальних, и государство, и коллектив, словом, всех, кто не есть данный конкретный человек)»*. В соотношении с этическими идеями самого А. А. Зиновьева индивидуально ответственными оказываются действия, в которых человек несет ответственность лишь за самого себя, — не только огражденный от любви окружающих, но и ограждающий других от своей любви, а также дружественности, заботы, милосердия. Ни одно из этих внешне позитивных проявлений моральности не может, считает А. А. Гусейнов, быть удостоверением моральности, потому что ни сторонний наблюдатель, ни тем более сам действующий человек не могут быть уверенными в их нравственной чистоте. Очевидно, что это другое понимание морали по сравнению с

* См.: Гусейнов А. А. Живи и забудь // Зиновьев А. А. Живи. СПб., 2004.

тем, когда мораль трактовалась им в 1980-е годы как мера гуманности человеческих и общественных связей.

По признанию самого Абдусалама Абдулкеримовича, большую роль в переосмыслении им морали сыграл Лев Толстой, в частности, его толкование притчи о блудном сыне. Почему блудный сын, вернувшийся с покаянием после того, как беспечно растратил данное ему отцом имущество, ближе и дороже отцу, чем другой сын, который никуда не пропал, а был все время подле него, трудясь в его хозяйстве и служа ему? Психологически, исходя из опыта обыденной жизни, понять это трудно. Но это же притча, и говорит она не об отношениях в семье, а об отношении человека к Богу, движении человека к Богу. Движение человека от себя к Богу, стремление к совершенству, сознание степени своего несоответствия совершенству и являются показателем правильного отношения человека к себе. А. А. Гусейнов выделяет у Толстого ту точку зрения, согласно которой отношение человека к себе является исходным и основополагающим, определяющим его действительное отношение к Богу. «Забота человека о чистоте собственной души, — пишет он, растолковывая Толстого, — является базисом, источником нравственных обязанностей человека по отношению к другим людям, к семье, государству и т. д.»*. В беседе со мной на эту тему Абдусалам Абдулкеримович высказался еще более определенно: отношение к другим, выражающееся в заботе, милосердии, любви, является, в конечном счете, лишь средством приближения человека к идеалу совершенства.

А. А. Гусейнов приводит три аргумента, призванные объяснить, почему нравственные повеления приобретают действительную форму только в качестве запретов. Каждый из них оригинален и заслуживает внимания.

Первый аргумент связан с природой морального мотива. Моральный мотив, утверждает А. А. Гусейнов, *идеален*, т. е. он свободен от привходящих и, стало быть, неморальных, субъективных оснований. Он *нематериален* как в том смысле, в каком это слово употреблял еще Кант, т. е. не замкнут содержательно на определенную цель, так и в обычном смысле этого слова, т. е. он бескорыстен и никак неангажирован. Та-

* Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 1995. С. 214.

кой мотив не может быть побудителем практического действия. Он может только воспрепятствовать свершиться действию, подвергнув проверке его фактические мотивы. Склонный к иллюстративной образности и метафорам, А. А. Гусейнов нередко сравнивает моральное сознание с отделом технического контроля на производстве: оно подключается на последней стадии внутренней подготовки действия, чтобы проверить, не надо ли наложить на действие запрет. Впрочем, по существу, это не просто метафора. Функция морали как выносящей свой неоспоримый вердикт не раз фиксировалась в этике, хотя и по-разному осмысливалась. По сути, в образе «отдела технического контроля» выступает та особенность морали, в частности, моральных суждений, которая, например, Р. Хэаром выражалась с помощью понятия «приоритетность» (*overiddiness*): в случае конфликта морального суждения с другими суждениями, предпочтение отдается моральному. Отсюда ясно, что если подготовленное действие не нуждается в моральном запрете, то оно совершается, как и совершилось бы — по неморальным мотивам, и про него нельзя будет сказать, морально ли оно как таковое или нет. Таким образом, «нравственно чистым может быть только поступок, который не совершен, — поступок, от которого человек отказался, несмотря на давление внутренних и внешних обстоятельств»*. Морально значимым оказывается моральное воздержание, воздержание по моральным мотивам.

При таком подходе у А. А. Гусейнова получается, что действие человека, совершающего морально значимое деяние, допустим, помогающего нищему, и действие человека, исполняющего служебную обязанность, допустим милиционера, прогоняющего по распоряжению начальства нищего, нравственно равнозначны. Равнозначны, поскольку оба — не запрещены. Можно даже предположить, что в действиях милиционера больше достоинства, чем в действиях подающего, потому что милиционер совершает свои действия по службе, а подающий может думать, что совершает благодеяние, испытывать от этого удовлетворение, а отсюда — полшага до моральной демагогии и самовозвеличивания. Логика такого морального рассуждения мне не совсем понятна. Насколько

* Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали. С. 28.

убедительно игнорирование коммуникативного аспекта морали (в результате чего морально мотивированный человек отрывается от его отношения к другому) и консеквенциалистского аспекта морального действия (вследствие чего конкретные поступки оцениваются безотносительно к их следствиям)? Что же касается данного конкретного примера, думаю, действия милиционера, прогоняющего нищего, и подающего милостыню в моральном отношении различны. В «чистой» ситуации-1, т. е. в ситуации, в которой присутствуют только эти двое — милиционер и нищий — нет ни одного возможно мыслимого стечения обстоятельств, при котором милиционер в своем действии относился бы к нищему не «только как к средству», и всегда такие действия милиционера неблагоприятны для нищего, являются фактом насилия против него. И, наоборот, в ситуации-2 — встречи подающего и нищего (опять-таки, в которой присутствуют только эти двое) нельзя исключить возможность отношения подающего к нищему «также как к цели» и всегда такое действие благоприятно для нищего, является фактом заботы в отношении него*. Об этом говорил Лев Толстой в статье «Так что же нам делать?», как раз затрагивающей проблемы благотворительности и помощи: ответить на просьбу просящего, тем более просящего о малом — это всего лишь любезность. Сам факт удовлетворения просьбы, очевидно не злоумышленной, есть благо — для просящего, что бы ни думал о себе подающий. Таков консеквенциалистский аспект вопроса.

Второй аргумент А. А. Гусейнова в пользу негативности моральной императивности связан уже с самим поступком, и состоит он в том, что «позитивные поступки», т. е. поступки, реализующие позитивные требования, никогда не могут стать *общезначимыми*, поскольку поступок всегда связан с особыми обстоятельствами. «Общезначимость (а это наряду со свободой есть непрременный признак моральной автономии)

* Обобщая и подытоживая анализ этических учений великих учителей человечества, А. А. Гусейнов выделяет в них то, что все они заповедовали способность к самодисциплине и нравственному образу действий. «Что требуется от человека для того, чтобы он стал моральным? <...> Надо, чтобы он умел сдерживать себя и был всегда готов помочь ближнему» (Гусейнов А. А. Великие моралисты. С. 264).

может приобрести предметно-поведенческую конкретность только в отрицательном действии»*. С другой стороны, если позитивное, т. е. осуществляющееся во внешних действиях нравственно общезначимое поведение (т. е. принимаемое многими людьми) и возможно, то только под сенью культа; культовое же поведение не может быть общезначимым (в смысле общечеловеческим).

По-видимому, общезначимость в данном рассуждении коррелирует с тем, что принято называть *универсальностью* и *универсализуемостью* в морали. Однако универсальность — это характеристика морального требования (позитивного или негативного), указывающая на то, что оно обращено к каждому (потенциально вменяемому человеку), а универсализуемость — характеристика решения, действия или оценки, указывающая на то, что они были совершены в уверенности, что любой морально ответственный человек в такой же ситуации принял бы такое же решение, совершил бы такое же действие или высказал такое же оценочное суждение. К тому же, принимая во внимание детальные рефлексивные вариации А. А. Гусейнова на тему единственности морального поступка М. М. Бахтина**, следует признать, что проблема общезначимости (не путать с моральной значимостью) поступка в этике вообще не актуальна.

Высказывая третий аргумент в пользу преимущественно запретительного характера моральных императивов, А. А. Гусейнов апеллирует к идеальной устремленности морали, к постоянным усилиям моральной личности по самосовершенствованию и к высшему моральному целеполаганию личности. «Не только нижняя (исходная) граница человеческого пространства, — пишет он, — создающая лишь возможность свободного развития, но и его верхний предел, совпадающий с бесконечностью человеческого совершенствования, может быть очерчен только через отрицание»***. По-видимому, это надо понимать таким образом, что негативная моральная императивность задает самоперемену человека, отказ его от самого себя и стремление к совершенству.

* Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали. С. 29.

** См.: Гусейнов А. А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М. М. Бахтин).

*** Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали. С. 29.

За всем этим стоит еще один аргумент, косвенный, в плане теоретического обоснования, но существенный по содержанию. Это аргумент от истории морали и морального опыта. Запреты, считает А. А. Гусейнов, были и остаются основной формой моральных требований. При этом он ссылается на Декалог, принцип невреждения (ахимсы) в жизнеучении Будды, ответ Конфуция, высказавшего золотое правило в его негативной форме на вопрос ученика о главном принципе жизни. «Запреты не только преимущественная, преобладающая форма нравственной жизни; они являются также и самой действенной ее формой. За запретами стоят такие поступки, которые легче идентифицировать и труднее прикрывать софистикой морального лицемерия, чем позитивные действия»*.

Вопрос историко-моральной и морально-практической релевантности теории негативной моральной императивности нуждается в систематической проработке. Запреты, несомненно, занимают важное, а, возможно, и преобладающее место среди моральных императивов. Но исключительное ли? Если мы возьмем Декалог, в нем 8 из 10 заповедей сформулированы в негативной форме. Но ведь законы Моисея во всей их полноте, как они даны в Торе, не сводятся к Декалогу. Весь кодекс Торы состоит из 613 законов, и здесь соотношение позитивных и негативных требований другое: 365 законов сформулированы в позитивной форме, и они касаются по преимуществу отношений человека с Богом, а 248 — в негативной, и они касаются по преимуществу отношений человека с другими людьми. Содержательная определенность позитивных и негативных требований, несомненно, показательна, однако их численное соотношение ждет объяснения в свете концепции негативности моральной императивности. Конфуцианское Четверокнижие или Дхаммапада также дают нам материал, который во всей своей полноте не свидетельствует однозначно в пользу предложенной концепции. И отдельный вопрос, который встает при попытке прояснения историко-моральной подоплеки данной концепции, касается христианской этики: мы знаем, что не только Конфуций, но и Гиллель ответили отрицательной формулой золотого пра-

* Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали.

вила на вопрос о главном принципе. Но ответ Христа на такой же вопрос был другим: он ответил сдвоенной заповедью любви, которая в обеих своих частях содержала позитивные требования. И не только ведь Христос говорит позитивно, но и своемудрый книжник, задавший вопрос о главной заповеди, вполне согласен со сказанным — сказанным в позитивной модальности. Думается, такова, т. е. сориентированная на побуждение, рекомендацию, наставление более чем на запрет, вся раннехристианская этика, причем этика не только самого Христа, но и этика апостолов. Очевидно, что об этом свидетельствует и знаменитое сопоставление ап. Павлом закона Моисея и закона Христа: «...заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя»*.

Запреты, действительно, значимы для морали, для понимания ее целостного образа и того, как она функционирует. Но мораль внутренне дифференцирована, ее нормативный состав неоднороден, характер ее проявления (на интраперсональном уровне) и осуществления (на индивидуальном уровне) различен. Так же разнообразны формы актуализации морали и способы самореализации личности в морали, в частности, на разных стадиях моральной зрелости (как личности, так и отношений между людьми). К примеру, можно посмотреть на эту проблему в свете старых морально-философских учений о совершенных и несовершенных предписаниях (и, соответственно, обязанностях) А. Баумгартена (и И. Канта) или концепции Л. Кольберга о стадиях морального развития личности, или концепции Н. А. Бердяева о различных формах морали. Как в сфере совершенных предписаний или на низших стадиях морального развития личности (по Кольбергу), или в рамках «этики закона» (по Бердяеву) актуальны в первую очередь запреты, так в сфере несовершенных предписаний или на высших стадиях морального развития личности, или в рамках «этики творчества» — актуальны позитивные требования. Не слишком отдаленные аналогии — концепция негативной и позитивной свободы или, близкая ей, концепция негативной и позитивной ответственности.

* Рим. 13: 9.

Мораль, несомненно, начинается с запрета: «Не вреди». Но достаточно ли для общества только такой, «негативной» морали? Если сама по себе логика индивидуальной активности, логика личного общения, социального общежития могла бы вести к действиям, воплощающим заботу и стремление к нравственному совершенству, то каков был бы смысл в побудительных требованиях помощи, сотрудничества, содействия благу другого? Логика индивидуальной активности, личного общения и социального общежития чревата напряжениями, конфликтами, враждой. Поэтому наряду с запретами на обман, унижение, неоправданное насилие, убийство во всех культурах вырабатываются требования примиренности, терпимости, сострадания, партнерства, взаимопомощи, жертвенности, любви. Эти требования в нравственной практике людей могут и искривляться, и извращаться, становиться предметом морализирования и средством манипулирования людьми. Поэтому во все времена наряду с этими требованиями существовала и разнообразная по своим жанрам «профилактика» их лицемерно-благообразного попраania, а также вдумчивые и снисходительные рекомендации типа той, что высказал Дж. С. Милль, говоря о необходимости стремления к наибольшему счастью наибольшего числа людей: поскольку было бы наивным уповать на достижение всеобщего счастья и даже счастья значительной части людей, то принцип пользы следует применять (и применять в первую очередь) для устранения и уменьшения несчастья. Так что, действительно, *не вреди*, прежде чем *помогать* и *любить*. Не вредить — это безусловная обязанность человека, а помощь и милосердие — это всего лишь то, что ожидается от него.

А. А. Гусейнов, конечно, признает значимость для морали и позитивных требований. Они имеют свою меру действенности. В рамках концепции негативной этики позитивные требования представлены в двух видах — как *всеобще-локальные* и *всеобще-всеобщие* требования. Примером первых являются, например, обязательная ежедневная пятикратная молитва мусульман или патриотизм как один из принципов, обеспечивающих существование национальных государств; наиболее типичным примером вторых — золотое правило. Однако не позитивные требования и не соответствующие им позитивные деяния, убежден А. А. Гусейнов, выражают суть морали, так что действительно «моральное действие (поступок), как дей-

ствие, которое совершается в силу одной лишь моральной мотивации и за все последствия которого, включая даже самые отдаленные, его автор несет всю полноту ответственности, возможно только в отрицательном варианте»*.

Сослагательная модальность моральных высказываний

Еще одну существенную особенность морали А. А. Гусейнов видит в сослагательности ее высказываний. Моральные высказывания имеют по преимуществу сослагательную модальность. Порой они могут быть выражены и в изъявительном наклонении, однако по своему внутреннему смыслу и по существу они являются «сослагательными»**. Хотя изъявительная форма выражения возможна в морали и имеет распространение (А. А. Гусейнов приводит в качестве примера высказывание «Этот поступок подл»), суждения такого рода по существу не являются изъявительными. В отличие от высказываний, выражающих впечатления или чувства говорящего, моральные высказывания нельзя отнести к разряду субъективных. «Когда говорится “ты поступил подло”, то то, что в данном случае имеется в виду, можно выразить следующим образом: ты поступил так, как (и далее идут предложения с “бы”)... “не следовало бы ни в коем случае поступать”,.. “не поступил бы тот, кто поступает морально”,.. “я бы на твоём месте никогда не поступил” и т. д.»***. Это не просто лексически-синтаксическая форма моральных высказываний. В их сослагательной модальности отражается структура моральной оценки и особая процедура морального мышления. Моральную оценку А. А. Гусейнов представляет как своего рода «мысленный эксперимент», в ходе которого то, что оценивается, «мысленно взвешивается

* Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали. С. 30.

** Строго говоря, насколько я знаю, в лингвистике не допускается квалификация предложений как относящихся к той или другой модальности без их явной лексически-синтаксической оформленности. См.: Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М., 2004. Иными словами, возможностей аппарата лингвистики может оказаться недостаточно для полного анализа выявленного А. А. Гусейновым феномена. Пользуясь случаем, выражаю благодарность Н. Р. Добрушиной за консультацию по данному вопросу.

*** Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали. С. 23.

на идеальных весах морали»*, т. е. по меркам идеального мира, как такого умопостигаемого мира, в котором все поступки совершаются согласно воле человека как доброй воле.

История морали и этики, да и моральный опыт в полной мере подтверждают особое место сослагательной модальности в моральном мышлении. Наиболее очевидным примером, к которому, естественно, прибегает в этой связи А. А. Гусейнов, является золотое правило. Оно с очевидностью демонстрирует, что «специфичным для морального языка является не повелительная модальность поступка, а сослагательная модальность обоснования его морального качества»**. С точки зрения формы выражения, золотое правило типично для морали. Оно подразумевает, что человек должен поступать, ориентируясь на идеальное положение вещей, как бы вырываясь из эмпирического мира. Золотое правило обращено именно к доброй воле человека, его идеальным устремлениям («во всем как хотите...»). Одновременно оно предполагает мысленное испытание планируемого действия путем его возможного обращения на самого себя или, что является иной стороной того же, путем представления себя на месте того человека, в отношении которого это действие должно быть совершено. Здесь обнаруживается та же схема действия морали, которая актуализируется при рассмотрении морали по аналогии с отделом технического контроля на производстве: в мысленном эксперименте, в соотношении планируемого действия с идеальными, свободными от прагматических установок и устремлений целями, действие проверяется на его моральную чистоту. «Только после такого идеального испытания поступка, — замечает А. А. Гусейнов, — и в том только случае, если он его выдержит, сослагательное наклонение речи переходит в повелительное и поступок вменяется в обязанность через категорическое “поступайте”»***.

Особую заслугу в осмыслении сослагательного наклонения морали А. А. Гусейнов признает за Кантом, который буквально «насытил этическое рассуждение сослагательным

* Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали.

** Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали. С. 24.

*** Там же.

наклонением...»^{*}; характерно, что категорический императив во всех его формулировках содержит у Канта частицу «как если бы» и соответствующие лексические фигуры. С сослагательной модальностью морального мышления соотносит А. А. Гусейнов и глубокую связь между моральным абсолютизмом и автономией воли у Канта. Эта связь заключается в том, что добрая воля осуществляется, подчиняя себя абсолютному требованию, категорическому императиву, и механизмом такого подчинения является сослагательная модальность морального мышления.

В сослагательной модальности морального мышления проявляется особенность моральной императивности как формы самообязывания. В связи с этим А. А. Гусейнов по-новому ставит вопрос о сущности морали, неоднократно и в разных словах подчеркивая, что именно в сослагательности, а не императивности проявляется коренное своеобразие морали. Из этого не следует, что мораль полностью замкнута на сослагательности, а не на императивности. Еще в середине 1990-х гг., когда очертания нового видения морали начинали складываться, А. А. Гусейнов придавал большое значение императивности, видя в ней специфический способ и форму существования морали^{**}. Очевидно, он не отказывается от понимания морали как формы императивности. Но он не видит эвристической ценности в таком понимании, и по мере распознавания и признания роли сослагательного наклонения в морали императивистский компонент отступает в его этике на задний план.

Следует отметить, что императивность как таковая, будучи специфическим признаком морали, разумеется, не является исключительно, исчерпывающе специфическим признаком. Недифференцированное, неспецифицирующее указание на императивность морали может быть актуальным и уместным в полемике с «непонимающими» концепциями морали, например, морали как формы сознания, как знания или творчества. При особом анализе морали, например, в сравнении с наукой, само по себе указание на императивность будет отдельно значимым; а при сопоставлении морали с обычая-

^{*} Там же. С. 25.

^{**} См.: Гусейнов А. А. Тема 2. Мораль в жизни человека // Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. С. 30.

ем или правом указание на императивность будет тривиальным. Иными словами, этой характеристики недостаточно при специально-этическом анализе, осознающем сопредельность морали другим способам императивности, в том числе социально организованным и институционализированным. Однако трудно сказать, что можно возразить против того, что мораль есть одна из форм императивности, или повелительности, или регуляции поведения. Не случайно А. А. Гусейнов, ставя под вопрос специфичность императивности в характеристике сути морали, продолжает при описании морали использовать слова «моральный императив», «долг», «обязанность», «запрет», «требование», «ответственность» и т. д.

В рассуждении о роли сослагательного наклонения в морали А. А. Гусейнов ссылается на известное юмовское наблюдение относительно неправомерности выведения императивных и оценочных суждений из дескриптивных суждений, толкуя его как указание на то, что императивность не следует воспринимать как специфическую характеристику морали. Сам Д. Юм не ставил под вопрос императивность морали. В своем известном высказывании он говорит о том, о чем говорит: о недопустимости выведения императивных или оценочных суждений из дескриптивных суждений. Однако не вызывает сомнения приверженность Юма в понимании морали этическому антиинтеллектуализму, выраженному у него не столько в данном высказывании, сколько во всем строе этического мышления. Феномен морали, в самом деле, не постигается лишь в экспликации логики морального мышления, путей познания человеком моральных понятий или способов формирования моральных суждений. Но и работа философа морали не заключается в том, чтобы, скажем, из анализа того, «как поступают люди, когда они имеют возможность поступать свободно», выводить «как они должны поступать, чтобы эти поступки были действительно свободными, выражали подлинное (истинное) благо того, кто поступает»*.

Выделив сослагательную модальность в качестве существенной черты морального мышления, Гусейнов обратил внимание и на одно высказывание Мура: «Мы используем одни и те же слова, когда высказываем этическое суждение о предмете, существующем в действительности, и когда мы его

* Гусейнов А. А. Понятие морали // Этическая мысль. М., 2003. Вып. 4. С. 4.

высказываем о предмете, существование которого мы считаем только возможным. В этой языковой двузначности мы имеем, следовательно, возможный источник ошибочных точек зрения на соотношение истин, касающихся действительного существования чего-то, и истин, касающихся оценок*». Это высказывание обычно не привлекает специального внимания исследователей; между тем, считает Гусейнов, оно этого заслуживает не в меньшей степени, чем принцип Юма. Говоря о языковой двузначности в морали, Мур указывал, что моральная оценка касается не столько действительности, сколько возможности, не реальных, а возможных мотивов. В этой особенности языковых выражений морали для А. А. Гусейнова важно отражение той роли, которую в функционировании морали играет идеальное (мысленное) экспериментирование.

«Этики, — отмечает А. А. Гусейнов, — видят в моральном языке главным образом высказывания со связками «есть» и «должно» которые роднят мораль в одном случае с наукой, в другом случае с правом, а не уделяют достаточного внимания на связку «бы» («как если бы»), которая задает модальность сослагательного наклонения и является для понимания специфики морали более важной, чем две другие**». Понятно почему связка «есть» не существенна для морали: она используется в изъявительном наклонении и характерна для дескриптивных суждений. Связку «должно» Гусейнов не считает специфичной для морали по той же самой причине, по какой императивность не является особенной характеристикой морали. Связка «должно» присуща морали в той же мере, в какой она присуща любым императивным высказываниям; а императивные высказывания, понятно, не являются исключительной прерогативой морали. Говоря о том, что именно сослагательное наклонение специфично для морали, Гусейнов, по-видимому, имеет в виду, что никакие иные императивные высказывания не содержат непременно связку «как если бы». Но вместе с тем, из того, как говорится о сослагательности морали, может возникнуть впечатление, что именно в морали, или только в

* Мур Дж. Принципы этики // Природа моральной философии. М., 1999. С. 135.

** Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали. С. 22.

рамках морали используются высказывания в сослагательном наклонении. Очевидно, что это не так. Для морали специфично *соединение* императивности и сослагательности, и это соединение имеет особый смысл.

В отношении императивности задача теоретика состоит в том, чтобы определить своеобразие ее проявления в морали. Обращая внимание на сослагательность морального мышления, А. А. Гусейнов по-новому ставит вопрос о специфике императивности. Это такая императивность, которая в отличие от других форм императивности обнаруживает себя в сослагательных высказываниях. Вместе с тем, утверждение о том, что в определении специфики морали следует принимать во внимание способ выражения морального суждения, новационно и нуждается в специальном осмыслении. Фактически, он таким образом задает новый уровень теоретического описания морали, и этот подход требует дополнительного методологического прояснения теории морали. Так, необходимо решение ряда вопросов, принципиальных для философского понимания морали.

Один из них касается сослагательности моральных высказываний. Очевидно, что сослагательность не является всеохватной характеристикой моральных требований. Известно много моральных требований, которые сформулированы без использования сослагательного наклонения. Взять, к примеру, тот же моральный кодекс Торы. Его заповеди, а их несколько сотен, не сформулированы в сослагательном наклонении; так же ни одна заповедь Декалога, составляющего сердцевину ветхозаветного закона, не сформулирована в этой модальности. То же можно сказать про этику Нового Завета, выраженную в Нагорной проповеди, в других наставлениях и притчах Христа, а также в апостольских наставлениях. Это те кодексы, на которые ссылается А. А. Гусейнов. Аналогичному испытанию можно было бы подвергнуть по этому показателю и любые другие кодексы. Причины наличия в моральных кодексах, не говоря об обычной речи, также и иных моральных высказываний, наряду с сослагательными, в рамках предлагаемой концепции не очевидны.

Другой вопрос касается характера сослагательности моральных высказываний. Как не все моральные суждения высказываются в повелительном наклонении, так и не только моральные суждения выражаются в сослагательном наклонении.

Последнее оказывается формой выражения желания, предположения, сомнения, и суждения такого рода могут не иметь никакого отношения к морали. Поэтому как специфичность моральной императивности усматривается А. А. Гусейновым через сослагательный характер высказываний, посредством которых она предъясняется и осознается, так и сослагательные высказывания морали нуждаются в соответствующей спецификации, во всяком случае, в проверке на возможность такой спецификации.

И А. А. Гусейнов указывает на возможное решение этой задачи, говоря о способе обоснования моральных суждений. Особенность моральных высказываний заключается в характере их обоснования, процедура которого такова: «мораль перемещает поступок в сферу идеального»*, идеально-желаемого для человека; «дать моральную оценку чему-то — значит помыслить это как то, что может иметь место в идеальном царстве»**. Таким образом, в рамках морали максима, мотив, решение или оценка обосновываются посредством апелляции к идеалу, к высшим ценностям, и сослагательное наклонение в морали имеет тот смысл, подчеркивает А. А. Гусейнов, что с его помощью обеспечивается особая, идеал-полагающая, функция морали. Если принять во внимание, что, к примеру, золотое правило, выраженное в типичной для морали сослагательной модальности, дополнительно подтверждается довольно специальным образом: «... В этом закон и пророки»***, то можно предположить, что процедура обоснования оценки или императива имеет сложную структуру, включая, с одной стороны, содержательное основание в виде апелляции к идеалу как таковому или высшему авторитету и, с другой, синтаксическое средство, с помощью которого эта ссылка выражается. Вводя в круг философского рассмотрения сослагательную модальность моральных высказываний, Гусейнов задает важное направление в этических исследованиях, связанное с анализом специфических лексических форм морального мышления и моральной коммуникации.

* Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали.

** Там же. С. 23.

*** Такое дополнение встречается в Евангелиях еще только однажды — в подтверждение заповеди любви.

Абсолютность морали

Две существенные характеристики морали — негативность моральной императивности и сослагательная модальность моральных суждений — соединяются в еще одной, согласно которой мораль — абсолютна.

По мнению А. А. Гусейнова, пониманию и принятию абсолютности морали должно предшествовать преодоление трех антиабсолютистских аргументов. Этот сюжет противостояния антиабсолютистскому скептицизму представляет особенный интерес, поскольку в нем Гусейнов, насколько я понимаю, обращается против самого себя — прежнего, приверженца историко-материалистического понимания морали. Он, правда, не ссылается на себя, но, называя эти аргументы важнейшими из тех, что высказывались против этического абсолютизма, он характерным образом не ссылается ни на кого, предоставляя читателю право самому определить возможные мыслительные референции. Согласно первому возражению, абсолютная мораль невозможна, поскольку нет такого субъекта, который мог бы говорить от лица абсолютной морали, который мог удостоверить нам абсолютный закон и спросить с нас за его неисполнение. Согласно второму возражению, утверждение об абсолютном законе бессмысленно, поскольку он принципиально неисполним в мире конкретных людей, конкретных отношений и конкретных поступков. Согласно третьему возражению, человеческий разум не приспособлен к адекватному мышлению об абсолютном, а потому любые попытки утверждения абсолюта на деле призваны скрыть партикулярные интересы и на деле есть выражение морального лицемерия.

Признавая силу и убедительность этих возражений, А. А. Гусейнов находит соразмерные им контраргументы в своей концепции негативной этики: абсолютность морали проявляется в преимущественно запретительном характере моральной императивности, ограничивающей предметно определенные мотивы человека, и сослагательной модальности моральных суждений, посредством которой человек в своих поступках ориентируется на идеал. Негативная этика позволяет утверждать абсолютность морали в ее наиболее сильной версии: мораль абсолютна не только в своих повелениях (запретах), но потенциально и в поступках, она ориентирует на абсолютные поступки. Хотя А. А. Гусейнова можно так понять, что он вы-

читывает проблему абсолютного поступка у М. М. Бахтина, приоритет ее постановки принадлежит именно ему. И он дает ее решение: абсолютный поступок возможен как «отрицательный поступок», как практическое воплощение запрета. Позитивные поступки, т. е. поступки, направленные к практической реализации некой положительной цели, конкретны, индивидуальны, ситуативны; они разнообразны так же, как разнообразны совершающие их индивиды, и в силу этого относительны, поэтому от них нельзя ждать общезначимости — они не могут быть абсолютными. Наоборот, негативные поступки, будучи результатом разумно обоснованного и сознательного запрета, общезначимы, и потому абсолютны. «Вполне реально, — добавляет А. А. Гусейнов, — представить картину, когда все люди могут не совершать поступки, относительно которых они пришли к всеобщему пониманию и согласию, что они не должны их совершать»*. Этот анализ поступков с точки зрения их общезначимости и абсолютности может создать впечатление, что при описании позитивных поступков во внимание принимаются и мотивы, и результаты, а при описании негативных — только мотивы. Такое впечатление оправданно. Оно вполне допустимо в рамках негативной этики. Дело в том, что позитивные поступки рассматриваются А. А. Гусейновым как содержащие в себе и принцип действия, и «частную материю», а негативные поступки лишь ограничиваются принципом, в них нет материи. В них нет ничего, что размывает абсолютность накладываемого всеобщим принципом содержания.

Прежде, чем воплотиться в действии, мораль должна проникнуть в сознание индивида и возобладать в нем, моральные мотивы должны стать преобладающими детерминантами человеческих поступков. «Абсолютная мораль.., — пишет Гусейнов, — обнаруживает свою абсолютность, категоричность только по отношению к тому индивиду, в голове которого она существует»; и далее: «это — форма самообязывания и ничего иного она не означает»**. Онтология абсолютности прозрачна у Платона, Августина или Канта. Но как помыслить ее в рамках «негативной онтологии» — при явном отсутствии чего-то схожего с «миром идей», «царством Бога» или «ноуменальным

* Гусейнов А. А. Об идее абсолютной морали. С. 9.

** Там же. С. 8.

миром»? Является ли абсолютность объективной характеристикой морали как надличных требований и ценностей или же это всего лишь способ мышления индивида об основаниях и характере морального поступка?

Как-то в одной из бесед в конце восьмидесятых А. А. Гусейнов в ответ на вопрос о природе всеобщности моральных требований высказал (с неявной полемичностью к универсалистской этике) предположение, что всеобщность является конкретно-исторической характеристикой определенного типа морального сознания, а именно, буржуазного морального сознания. Вводимое опосредованно к негативному поступку и сослагательной модальности морального мышления свойство абсолютности может трактоваться в аналогичном ключе: не есть ли это фигура осознания и переживания морали, не рефлексивная ли это метафора самого морального сознания? Наиболее яркий образ абсолютности морали дан им в его анализе ветхозаветной этики: «Мораль уходит корнями в непостижимые глубины бесконечности. Она абсолютна. До такой степени абсолютна, что сама эта абсолютность становится ее специфическим признаком. Эта особенность морали на языке ветхозаветного человека получила выражение в том, что ее требования выступают как заповеди Бога»*. Слова эти сказаны в одной из наиболее популярных книг А. А. Гусейнова — «Великие моралисты», написанной в целом до того, как сложилась концепция негативной этики, однако предполагаемое в них понимание абсолютности — «абсолютность становится ее специфическим признаком», «требования выступают как заповеди Бога», — скорее, подтверждает допущение ее эпифеноменального характера. Моральный субъект не может говорить ни об абсолютной морали, ни тем более от имени абсолютной морали, но он может мыслить, мотивироваться и поступать в режиме абсолютной морали.

Думаю, концепция абсолютной морали позволяют по-другому взглянуть на многочисленные в работах А. А. Гусейнова 1970-х годов этико-идеологические «вступления» и «отступления». В них, конечно, решались какие-то собственно идеологические и пропагандистские (контрпропагандистские) задачи. Но помимо этого в них очевиден и пафос иного

* Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 1995. С. 80.

рода — устремленности к идеалу, противопоставления идеала реальности, выведения морали из-под обусловленности социальной конъюнктурой, конкретно-социальной необходимостью, авторитарным распоряжением. В этом контексте становятся понятными и довольно резкие его нападки в 1980-е годы на получившую в какое-то время в рамках этико-прикладных поисков развитие концепцию «управления процессом нравственного воспитания» и, шире, морали как способа социального управления. В тех исследовательских начинаниях он увидел опасность подчинения морали прагматике насущного политического или хозяйственного интереса и, следовательно, утраты морали как таковой. Концепция абсолютной морали позволяет по-другому оценить и этический историцизм раннего А. А. Гусейнова: историцизм позволял уберечься от требований идеологической сервильности, оторваться от заскорузлого реализма, почувствовать возможную основу индивидуальной автономии и моральной свободы.

Вышеприведенная цитата из «Великих моралистов» не случайна. Эта книга знаменовала поворот в этическом мышлении А. А. Гусейнова, а работа над ней подготовила его переход на новые теоретические позиции. Анализ учений Конфуция, Будды, Моисея, Иисуса, Мухаммеда, а также Сократа, Эпикура, Толстого и Швейцера позволил ему пойти дальше в общем обычного для советской философской этики, хотя и отнюдь нетривиального, тезиса о том, что мораль задает критически-отрицательное отношение к реальному миру, и признать именно абсолютное значение нравственных ценностей, их основополагающий для всех человеческих стремлений смысл, а также то, что «в морали и через мораль жизнь человека соизмеряется с Богом»*.

Важнейшим практическим коррелятом представления об абсолютной морали является, по мнению Гусейнова, принцип ненасилия и, соответственно, концепция абсолютной морали находит продолжение и дополнение в этике ненасилия. Собственно говоря, биографически, т. е. во временном развитии своих идей, аргументы против релятивизма и ситуационизма и в пользу абсолютного принятия моральных принципов Гусейнов впервые развил именно в критике известных попыток

* Там же. С. 259.

оправдания насилия и в порядке обоснования безусловности ненасилия. «Мораль, — говорит он в самом полном своем очерке о насилии и ненасилии, — конкретизируется через отношение к насилию», — добавляя далее, что действительно конкретный анализ соотношения морали и насилия возможен «только в рамках и на основе признания их изначальной противоположности»*. Насилие выступает как оппозиция морали, поскольку оно знаменует крайнюю форму отчуждения между людьми, властное подавление человека человеком, подавление в наиболее жестоких и исключительных его формах, разрыв человеческих связей. Насилие «переводит отношения в такую плоскость, когда оппонент становится врагом, аргумент — оружием, симпозиум — полем битвы»**.

Зло, считает А. А. Гусейнов, продолжая традицию античной этики, никогда не выступает под своим собственным именем, оно всегда стремится принять форму добра, либо спрятаться под маской добра. Насилие не составляет исключения: оно выступает под флагом добра и как его орудие. Так, пытающиеся обосновать применение насилия, апеллируют к тому, что насилии порой необходимо в противостоянии злу. Однако кто судит относительно добра и зла? Как в случае с абсолютном, никто не может говорить так, как если бы был непосредственным представителем абсолюта и воплощением добра, так и в случае с насилием как орудием добра возникает «вопрос о том, кто может говорить от имени морали, авторитетно судить о том, что есть добро и что есть зло»***. Поскольку люди не делятся на добрых и злых, и никогда невозможно точно определить, кто является добрым, а кто — злым, то и упование на насилие как действенный инструмент борьбы со злом, а именно, с определенными людьми как носителями зла, следует считать безосновательным.

Насилие, указывает А. А. Гусейнов, продолжая традицию Л. Н. Толстого, морально нелегитимизируемо, поскольку «получить моральную санкцию на то или иное действие, означает

* Этика / Под общ. ред. А. А. Гусейнова и Е. Л. Дубко. М., 1999. С. 395, 404.

** Там же. С. 401.

*** Гусейнов А. А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 23.

получить согласие того, на кого данное действие направлено»*. Но если бы можно было бы получить такое согласие, вопрос о применении насилия не вставал бы. Ситуация насилия — в нормативном плане аморальная ситуация, а в дескриптивном — внеморальная, и говорить о каких-либо соглашениях здесь невозможно.

Насилие, добавляет А. А. Гусейнов, не может быть морально оправдано и в ответ на насилие и тем более в предупреждение возможного насилия. И ответное, и предупредительное насилие лишь увеличивают насилие, а не сокращают и даже не ограничивают его. Одновременно с этим, А. А. Гусейнов подчеркивает, что то, что считается легитимизированным насилием, а именно, ответное применение силы по закону *талиона* или монополизированное применение силы *государством*, неправильно рассматривать как насилие. Наоборот, и талион, и применение силы государством — «можно интерпретировать не как форму насилия, а как форму ограничения насилия, этап на пути его преодоления... Институционализация насилия включает его в пространство действий, легитимность которых совпадает с разумной обоснованностью и требует такого обоснования; вне этого была бы невозможна сама постановка вопроса о допустимости насилия»**. Хотя этот аргумент не совсем органичен строю аргументации А. А. Гусейнова и, в общем, остался на периферии его рассуждения о насилии и ненасилии, он важен и симптоматичен, поскольку показывает, что обращение к реалиям социальной жизни и представлениям о должном порядке в ней, пусть даже самое общее и отвлеченное, оказывается достаточным условием для этико-правового реализма.

Насилие, считает А. А. Гусейнов, не может быть оправданным и в действиях, направленных на благо других. Человек не может судить, что есть благо других, чтобы принимать участие в содействии их благу. Даже покровительственная забота о благе детей не может быть оправданна, поскольку дети, став взрослыми, по-своему станут думать о том, что есть благо, и их представление о благе может быть противоположным тому, что думали об их благе их родители. Насильно осчастливить

* Этика / Под общ. ред. А. А. Гусейнова и Е. Л. Дубко. С. 403.

** Там же. С. 410.

нельзя и в ситуациях, которые измышляют сторонники ограниченного насилия, предполагаемая благая цель никак не оправдывает реальные неблагие средства. На возражения, касающиеся того, что применение силы иногда диктуется необходимостью противостояния злу в его конкретном и непосредственном проявлении, злу, несущему угрозу жизни здесь-и-сейчас столь явную, что не предотврати его, у тех, чья жизнь оказалась под угрозой, уже никогда не будет возможность ни оценить (или осудить) чужое попечение об их благе, ни даже помыслить о собственном благе, Абдусалам Абдулкеримович обычно говорит, что такие ситуации на самом деле изначально вне-нравственны, и как бы человек ни вел себя в них, никогда его поступки не будут безукоризненно нравственными. Они не относятся к компетенции морали и по тому высокому критерию, по которому в подлинно нравственном суждении человек, в конечном счете, сопоставляет предмет оценки с идеальным образом того мира, по типу: «Хотел бы я жить в таком мире, в котором такие поступки (как силовое подавление другого) были оправданны и допустимы?»

Как показывают труды А. А. Гусейнова, признание безусловного и приоритетного значения за принципом ненасилия оказывается возможным в рамках такого представления о морали, когда последняя мыслится абсолютной во всех своих проявлениях.

* * *

Три понятия морали — социально-историцистское, социально-персоналистское и негативно-абсолютистское — эти идейные синтезы, или концептуальные узлы, не столько разделяют творчество А. А. Гусейнова на некие отдельные этапы, сколько стягивают и (потенциально) скрепляют его. Этика А. А. Гусейнова — это незавершенный проект. Причем в двояком смысле. Во-первых, в очевидном метафизическом смысле, как выражение естественно и активно продолжающейся творческой жизни. А, во-вторых, по существу высказанных идей и динамично эволюционирующих концепций.

В моем представлении этих идей и их эволюции (а, подчиняясь замыслу очерка, я вынужден был производить их отбор, с сожалением оставляя за рамками своего обозрения те из них, которые непосредственно не связаны с теорией морали) я ме-

нее всего хотел бы сделать акцент на этапности в творчестве А. А. Гусейнова, на взаимной обособленности возникавших на разных этапах концепций морали. В самом деле, я убежден, что рассмотренные три понятия морали каким-то образом взаимодополнительны. Концепция абсолютной морали должна быть достроена теорией происхождения морали, вмещающей в себя изначальный для нравственности переход от талиона к золотому правилу. Концепция «негативного действия» и запретительной императивности должна быть соединена с представлением о морали как мере человечности социальных и коммуникативных связей, выраженной в совокупности тех самых первичных нравственных отношений. Индивидуальная ответственность совершаемых человеком нравственных поступков должна быть переосмыслена и в терминах активного действия, актуально осуществляемой справедливости и действенной заботы. По-своему, как мне кажется, эта задача осознается и самим А. А. Гусейновым, когда он задается вопросом о том, насколько возможно совмещение в единой этической теории традиций кантианства и аристотелизма.

Однако такое обращение в теории потребует *нового понятия морали*. Трудно сказать, возможно ли оно. Ведь этика А. А. Гусейнова это его незавершенный проект, траектория продолжения которого — дело его решений и его свершений.